

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ А. О. БОРОНОВЫМ

Вопрос: В жизни человека есть периоды, когда он подводит итоги, «собирает урожай». Шестьдесят лет — самое подходящее время восстановить не только хронику прошлого, свершившееся, но и поразмышлять о том, что осталось за скобками. Персональная биография университетского ученого, сложившаяся в советское время, интересна для современников и потомков уже тем, что отражает перелом эпохи, постоянное возвращение к спрессованному в памяти прошлому, стремление своими руками сотворить неподатливое поле современной социальной науки. Поэтому первый вопрос — сугубо автобиографического свойства: откуда родом, как и почему вы пришли в сферу университетского образования и науки, что определило ваш выбор в области философии, социологии, в целом обществознания?

Ответ: Родом я из Сибири. Родился в 90 километрах севернее Байкала недалеко от реки Лены, в маленькой таежной деревне (Улусе), где было примерно 30 печных труб. Детство было трудным: рано умер отец, война и борьба советской власти с населением (бесплатный труд в колхозе, запреты на сенокосение, иметь хозяйство...). До 18 лет я жил там и все эти годы, как ни странно звучит, ел ворованный хлеб. На трудодни хлеба не давали, и все просто брали его на току, воровали. Местные власти делали вид, что не замечают этого.

Закончил среднюю школу в соседнем поселке Хогот, где учился после окончания местной начальной школы. Жить приходилось «на квартире», оплата — работа по дому и двору, т. к. денег не было, продать было нечего — была контрактация всего, что выросло на крестьянском дворе. Все отбирали. Это красочно показано В. Распутиным в «Уроках французского».

Были две радости: учеба и весна (тепло). До сих пор помню, как радовались мы уже в конце марта, апреле теплому солнцу после зимних холодов, и радовала школа, учеба. В школе был прекрасный коллектив, поощрялась инициатива, хорошая учеба. До сих пор помню своих учителей, свою школу и поздравляю коллектив школы с Новым годом, где бы ни был. Творческая обстановка в школе, поощрение моей мамы к учебе заложили во мне глубокое желание учиться дальше.

Потом была работа в колхозе, в редакции районной газеты и служба в армии. Армия была для меня первым университетом, там я определился с выбором профессии. Выбор был связан с тем, что я много работал с солдатами (как маленький командир) и для себя понял разность, индивидуальность каждого и разность этническую. Это открытие заставило меня искать и читать литературу, особенно психологическую, которой тогда фактически не было.

После демобилизации в 1959 г. приехал и сдал экзамены на философский факультет Ленинградского госуниверситета, где было психологическое отделение. Но меня зачислили на философское отделение. С этого момента я в нашем университете.

Вопрос: Вероятно, во время вашего обучения на философском факультете Ленинградского университета в 60-е годы было немало интересного, что и сегодня вызывает любопытство. Например, чему учили студентов в то время, на

что ориентировали? Были ли действительно выдающиеся ученые и профессора, которые достойны подражания? Кого и что вы оцениваете как приемлемое ныне, а что как дань идеологическим социалистическим принципам 60—70-х годов?

Ответ: Учиться в университете для меня, сельского жителя и солдата, было чрезвычайно интересно и трудно. Интересными были лекции, студенческий коллектив на факультете и в общежитии. Я с первого курса стал профсоюзным активистом (членом профкома ЛГУ), успевал везде.

Тогда был период «оттепели», и на факультете собралось много интересных ученых, некоторые из них вернулись из лагерей, была некоторая свобода размышлений. Развивались новые направления, например, социология, социальная психология, инженерная психология и т. д. Кстати, эти направления впервые родились в стране на философском факультете усилиями молодых тогда ученых: Е. С. Кузьмина, Б. Д. Парыгина, В. А. Ядова, Б. Ф. Ломова и др. Их активно поддерживали декан факультета В. П. Рожин и известные профессора Б. Г. Ананьев и В. П. Тугаринов.

Моим духовным отцом на факультете стал выдающийся философ и социолог Василий Петрович Тугаринов, который заметил меня и пригласил на кафедру в аспирантуру, а потом предложил должность ассистента. Я чрезвычайно ценю его труды, его вклад в науку и его отношение ко мне. Портрет учителя и наставника висит сегодня в моем кабинете. Под моей редакцией подготовлены и изданы его «Избранные философские труды» (1988).

Что раздражало? Это однообразие некоторых лекций, их чрезвычайная идеологизированность, особенно таких курсов, как история КПСС, политическая экономия социализма и некоторых других. Поэтому с тех пор я не терплю однообразие, однобокость, одинаковость.

Вопрос: Ваша карьера в качестве университетского преподавателя и ученого состоялась в стенах Ленинградского и теперь Санкт-Петербургского государственного университета. Вы не «изменяли» университету ни тогда, когда была возможность заняться более престижной партийной деятельностью вне стен «alma mater», ни сейчас ради бизнеса. Готовы ли вы откровенно поделиться с читателями секретами своего профессионального и служебного роста? Известно также, что вы активно трудились в университете на разных выборных должностях. Думаю, эта страница вашей биографии не разоблачит вас, а даст, выражаясь языком социологии, картину социальной вертикальной мобильности, характерную для советского профессора в одном из авторитетных университетов страны.

Ответ: Я остался верен университету. Были предложения разные: заведовать кафедрами в различных вузах, перейти на партийную работу, но они отвергались мной. Сегодня я мог бы жить где-то в Сибири или в Москве...

Может быть, ждала бы меня другая судьба, но мне было трудно расстаться с университетом, я прирос к нему. Кроме преподавания, мне хватало сил долгие годы исполнять общественные обязанности. Был и секретарем партийной организации философского факультета, членом парткома ЛГУ, членом горкома КПСС. Долго увлекала меня профсоюзная работа, был председателем профкома факультета, университета, членом Обкома профсоюзов. Считаю важной вехой общественной деятельности работу ответственным секретарем Цент-

ральной приемной комиссии университета, где начал работать с удивительным человеком и ученым Рудольфом Фердинандовичем Итсом.

Безусловно, все это отнимало уйму времени и здоровья, но я по духу оптимист и все это рассматривал как доверие, возможность общения и как просто работу. Поэтому у меня множество друзей, знаю многих в университете и в городе.

Вопрос: В качестве профессора вы состоялись на философском факультете университета, где были заведующим кафедрой философии для гуманитарных факультетов в 80-е годы. Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности? На что собственно направляли вы свои усилия — на сохранение существовавшего положения дел в социогуманитарной науке или предпринимали попытки принципиально изменить направление, проблематику философии и социальной науки? Если вы пытались способствовать развитию научного поиска, а это было в духе проводимой во второй половине 80-х годов перестройки, то что удалось и что не удалось осуществить.

Ответ: Мое становление как специалиста состоялось, как я уже говорил, на философском факультете, где я прошел все стадии преподавательской работы, заведовал одной из самых больших (по составу) кафедр! Кафедра состояла из весьма разнородных по научным интересам преподавателей, после ухода В. П. Тугаринова преобладал догматизм, хотя были очень интересные ученые-педагоги: проф. А. П. Казаков, В. Ф. Сержантов, доц. Л. А. Орнатская и др. Я пытался через издание сборников, конференции и особенно через привлечение молодых преподавателей изменить обстановку. Надо было уйти от схоластически идеологизированной болтовни и заняться настоящей наукой.

В этом направлении что-то удалось сделать, но не все, что хотел, т. к. я через некоторое время был избран директором Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) университета и с кафедры вынужден был уйти.

Вопрос: Политические и культурные условия чрезвычайно важны для публичного деятеля, каким является профессор в области общественных наук. Влияли ли и насколько на характер и интенсивность вашей деятельности в университете политические и идеологические требования со стороны партийно-государственных органов?

Ответ: Безусловно. Например, выбор темы исследования тогда был часто обусловлен «Материалами» очередного съезда коммунистической партии. Публикации тоже. Особенно страдала содержательная сторона исследований, поскольку в социогуманитарных науках была жесткая цензура.

Иногда приходилось осторожно подвергать сомнению некоторые требования, стереотипы. Я, например, не поддерживал осуждение семинара и сборника по семиодинамике. Деятельности семинара была дана идеологическая, а не научная оценка. Подобное было правилом того времени.

Из-за жесткого идеологического контроля в 70-80-е гг. многие ученые в сфере социальных наук не могли проявить себя полностью. Даже такой ученый, как В. П. Тугаринов, вынужден был, к примеру, в работах по теории ценностей вместо исследования проблемы доказывать, что подобный подход должен быть в марксизме.

Вопрос: Во всяком случае, предыдущий вопрос тесно связан с проблемой мотивации преподавательского и научного труда, его продуктивности. Можете ли вы назвать наиболее значимые, с вашей точки зрения, собственные научные и педагогические достижения, которые являются этапными в вашем творчестве? Что, по вашему мнению, более всего стимулировало вашу активность: мотив познания, жажда успеха, стремление к власти в академическом поле или другие факторы?

Ответ: Это очень интересный вопрос. Когда поступал в университет, мной двигали два мотива: во-первых, мотив познания, во-вторых, желание уйти от той безысходности, которая существовала там, где я родился и жил. Дело в том, что в советское время социальную значимость человеку давало только образование, т. к. другие формы не функционировали. Собственность была государственной (ничьей), и приобрести признание, значимость можно было только включившись через образование в государственную службу или в науку. Стремление к образованию и через него к приобретению социальной значимости представляло основную внутреннюю мотивацию тогдашней молодежи. Высокий интерес к высшему образованию в СССР вовсе не связан, как пишут, с вдруг развившейся в новых условиях чрезвычайной тягой к знаниям, к духовности. Здесь все очень просто. Без института собственности и других форм экономической деятельности высшее образование было единственной формой обретения хоть какой-то значимости, а для сельских жителей даже способом получения паспорта.

Эти два мотива, может быть, и определили мою судьбу в академическом поле. Меня заметили и оставили в университете. Я стал заниматься интересной темой в области этнической психологии и социологии. Тогда это было частью философии. Кандидатская диссертация «Методологические проблемы изучения национальной психологии», выполненная под руководством А. А. Сатыбалова, вызвала бурную дискуссию при обсуждении на Ученом совете. Философы фактически отрицали проблему под лозунгом интернационализма, а этнографы, которые были менее идеологизированы, поддержали. Опять же итоги голосования в Совете определила позиция В. П. Тугаринова, который четко сказал: «О качестве работы можно спорить, но уже за то, что поднята эта проблема, которая в будущем станет очень актуальной, соискатель заслуживает присвоения искомой степени». Он оказался прав. Я до сих пор помню эту защиту, хотя прошло 30 лет. По этой теме опубликованы 2 монографии и учебное пособие, которые вызвали большой интерес и активно используются в учебном процессе. Особое распространение получили две работы: «Основы этнической психологии» (1991) и «Россия и русские. Характер народа и судьбы страны» (1992), написанная в соавторстве с П. И. Смирновым.

Кроме того, я начал одним из первых в стране читать курсы «Этнической психологии» и «Этнической социологии» (1969), и мною подготовлено свыше 40 кандидатов и докторов наук, многие из которых активно работают в области этнической социологии, социальной антропологии. Эти направления сейчас развиваются и на факультете социологии, чему я очень рад.

Стремление к власти? Честолюбие должно быть у каждого творческого человека. Его во мне было достаточно, и оно выражалось в моей активности,

работоспособности, что определяло мою позицию в том или ином коллективе. Поэтому меня «выдвигали», избирали...

Вопрос: Возвращаясь к внешней канве вашей профессиональной деятельности, следовало бы вспомнить эпизод вашего избрания директором НИИКСИ в 1987 году и период руководства им. Это фактически было поворотом от философии к социологии, к социальным исследованиям. Какие ожидания связывали вы с работой в институте и какие из них воплотились?

Ответ: В 1985 году началась перестройка Горбачева. Кстати, общество ждало ее, ибо жить так, как жили, больше было нельзя! Другой вопрос — какой путь трансформации застойного, милитаризованного и весьма идеологизированного общества мы избрали.

Появились новые идеи, надежды, стала ломаться старая структура управления. Раньше директора назначались сверху, а теперь было разрешено их выбирать... В этих условиях бывший проректор ЛГУ проф. В. Н. Красильников быстро подготовил «Положение» и решил провести выборы директора НИИКСИ. Это было в 1987 году, и они были одними из первых в СССР выборами директора научно-исследовательского института. Это я узнал потом, когда я стал очень интересен для журналистов, и они стали мучить меня различного рода вопросами, интервью.

Кандидатов было трое, и волею судьбы я стал директором.

Это не было для меня резким поворотом от философии к социологии. Социологией и социальной психологией стал интересоваться еще студентом. Писал курсовые работы под руководством проф. А. Г. Здравомыслова, дипломную работу по истории русской социологии у проф. П. Ф. Никандрова. Участие в конкурсе на должность директора НИИКСИ было определено желанием заняться социологией, социальными исследованиями.

Некоторые мои идеи претворены в жизнь, некоторые нет. Причина последнего двоякая: во-первых, в эти годы наука была забыта и все занимались «перестройкой», в каждом коллективе были свои «прорабы» перестройки и они фактически никому не давали работать. Мы все время заседали, митинговали, принимали глобальные решения; во-вторых, я был директором всего 2,5 года.

Но эти годы не прошли даром. Я стал социологом, в институте были произведены некоторые изменения — по моей инициативе была создана, например, новая лаборатория этнической и исторической социологии, которая работает весьма эффективно сейчас. Ее сегодняшний руководитель З. В. Сикевич провела интересные исследования и защитила докторскую диссертацию. Была изменена тематика исследования, одно из направлений стало основой очень важной программы «Народы России: возрождение и развитие», которую возглавляет весьма успешно проф. В. Т. Пуляев. Объединила коллектив программа «Социальное развитие человека» (1988 г.), принятая под моим руководством. Она во многом обновила институт.

Вопрос: Факультет социологии в Санкт-Петербургском университете был образован в 1989 г. Вы были назначены деканом-организатором факультета. Известно, что с 1984 г. было открыто отделение прикладной социологии на экономическом факультете Ленинградского университета. Оно состояло из двух кафедр прикладной социологии (зав. проф. В. Я. Ельмеев) и планирования со-

циально-экономических процессов (зав. проф. Н. А. Моисеенко). С чего, собственно, началось социологическое образование в университете: с этих двух кафедр или же с учреждения факультета? Каковы были материально-технические и организационные предпосылки создания факультета? Где размещался факультет изначально? Что предпринималось для становления факультета? Как по истечении почти восьми лет, в 1997 г., вы оцениваете достижения факультета как учебно-научного учреждения?

Ответ: Образование — важная часть институционализации той или иной науки. К сожалению, с социологией и социологическим образованием в России всегда боролись, и нет этой борьбы, может быть, с 1989 года, хотя еще есть много ученых, которые путают ее с философией, психологией, забывая, что социология в современном мире давно уже самоопределилась. Такое отношение связано с тем, что одной из функций социологии является социальная критика, и она не терпит догм.

Социологическое образование началось в России в начале XX века. В 1901 г. в Париже М. М. Ковалевский со своими единомышленниками создал Русскую высшую школу общественных наук, фактически первый факультет социологии. В 1908 г. в Психоневрологическом институте была открыта кафедра, а в 1919 г. П. А. Сорокин открыл кафедру в Петроградском Государственном университете, которая тут же незаметно исчезла из структуры университета в связи со становлением тоталитаризма. Беда в том, что с 20-х годов до 1984 г. фактически никто в стране не готовил социологов-профессионалов, хотя социологи были. В 1984 г. были открыты отделения при МГУ и ЛГУ. Но это была усеченная подготовка социологов, специальность называлась «прикладная социология». Социология считалась некоей прикладной наукой, у нас в университете отделение было создано на экономическом факультете под руководством проф. В. Я. Ельмеева. Фундаментальное научное направление было включено в структуру отраслевой, сферной науки.

К сожалению, полное социологическое образование началось в нашей стране с 1989 г., когда после опыта М. М. Ковалевского прошло 88 лет, из них на советское время падает почти 60 лет.

Факультет создавался с трудом, не было помещений. Мы имели 1,5 кафедры с экономического факультета, 9 человек преподавателей, 3 ставки лаборантов.

Размещались на 10-й линии, где находится подготовительное отделение университета. Проводить занятия удавалось в аудиториях географического факультета, благодаря благосклонному отношению декана этого факультета проф. П. П. Арапова и его коллег.

Это продолжалось до 1991 г., когда мы переехали в Смольный (9 подъезд). Одна из газет тогда писала: «С боем взят Смольный монастырь, точнее его девятый подъезд, факультетом социологии ЛГУ. В понедельник, основываясь на решении исполкома Ленсовета, факультет переселился в Смольный. Созданный в 1989 году факультет, призванный давать студентам одну из самых престижных на Западе профессий, был вынужден ютиться в нескольких комнатах на Васильевском острове. И вот теперь — новый адрес и новые проблемы. Новосел сразу же вызвал неудовольствие со стороны прежних жильцов. Уже создан комитет по содействию факультету социологии. «Мы будем отста-

ивать права студентов на получение образования в нормальных условиях», — заявил Александр Бороноев, декан многострадального факультета». И здесь в начале у нас было всего 4-5 аудиторий. Все помещения были заняты фирмами, созданными бывшими работниками Горкома ВЛКСМ. Они, как и в самом Смольном, не защищали идеи, власть, а быстро превратились в коммерсантов и стали торговать чем попало, некоторые с лозунгами диктатуры пролетариата и справедливости на устах. Борьба за помещения продолжалась до 1994 года...

Сегодня факультет — один из ведущих учебно-научных центров России. Он имеет свое лицо. Мы отличаемся по структуре и содержанию от других подобных факультетов университетов. У нас сложились сильные традиции экономической и этнической социологии. Впервые в России активно развивается социальная/культурная антропология. Эти направления связаны с именами В. Я. Ельмеева, Ю. Н. Емельянова. Этническую же социологию веду я с моими учениками.

В последние годы в связи с возрождением Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского ведутся активные исследования истории, традиций отечественной социологии. Начато издание серии «Российские социологи» двухтомником М. М. Ковалевского «Социология»; вышли сборники «М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли» (1996), несколько выпусков периодического издания «Российская социология», учебное пособие «История русской социологии» И. А. Голосенко, В. В. Козловского.

У факультета сложились хорошие международные контакты с Билефельдским, Гамбургским, Свободным Университетом Берлина, Новым университетом Лиссабона, Страсбургским, Хагенским университетами. Факультет состоялся, но он должен развиваться, меняться постоянно. Любой творческий коллектив при застое гибнет.

Вопрос: Видимо, факультет социологии может считаться уже зрелым (хотя и юным) факультетом, имеющим не только определенные свершения, результаты, но и ближайшие и долгосрочные перспективы. В чем состоят эти перспективы? Имеется ли какая-либо продуманная стратегия развития факультета социологии?

Ответ: Перспективы? Они связаны с совершенствованием обучения студентов, учебных планов и программ, активизации работы кафедр, они еще не все стали кафедрами классического университета, не все имеют фундаментальную тему.

Медленно формируется на факультете социологическая культура, мышление. Как мы можем влиять на социологов России, когда некоторые преподаватели, по моим наблюдениям, до сих пор остаются философами, экономистами, научными коммунистами. На факультете только начинаются эмпирические исследования, очень робко складывается теоретический плюрализм, разность, нет пока молодых лидеров тех или иных направлений. Задерживается их становление. Наука настоящая не должна быть без творчества, без поисков. В сентябре (1997) ученый совет факультета обсудил концепцию развития социологического факультета, где провозгласили развитие комплексных социальных и антропологических исследований, в первую очередь, теоретических исследований как основы эмпирических. Эта позиция заложена в основу совершен-

ствования учебных планов и программ. Сегодня факультет имеет в своей структуре девять кафедр, центр социологических исследований, спецфакультет. В плане — включение в состав факультета НИИКСИ (научно-исследовательского института комплексных социальных исследований) и создание Учебно-научного центра социологии.

Вопрос: Какие теоретические принципы в социологии и в целом в социальной науке вы разделяете? Какие социологические проблемы и темы привлекают ваше внимание?

Ответ: Я всегда занимался исследованием духовных явлений, элементов этнического менталитета и социальных ценностей, и поэтому мне близки парадигмы, связанные с антрополого-культурным подходом. Мне чрезвычайно импонирует опыт «новой исторической науки», она по сравнению с объективистскими и системно-структурными подходами ищет и находит живого человека, живую жизнь. Этому направлению чужды, как писал Ле Гофф, бледные абстрактные схемы, бестелесные социально-экономические механизмы. Меня сегодня чрезвычайно интересует проблема: «Наш (российский) менталитет и будущее реформ». Любые реформы, любое дело должно быть антропологично, «очеловечено», должно опираться на человеческий материал. М. Вебер говорил о «духе капитализма». Есть ли в нашей культуре, истории свой «дух», который выведет нашу страну из постоянных кризисов и революций. Вообще надо начать нам работать, а государство должно создать условия для этого.

Очень интересна проблема региональной ментальности. Сейчас с моей докторанткой готовим программу по исследованию Сибирской идентичности. О Сибири и о сибирячестве говорят и пишут много, но серьезных исследований пока нет.

В Сибири все необычно: формирование населения, традиционное хозяйство, климат, пространство, понимание времени. Из ста пятидесяти народов России 2/3 живут в Сибири. Без познания регионов и использования их разности, в том числе экономической, духовной, их ментальности, невозможно развитие страны в целом.

Вопрос: В каком направлении, с вашей точки зрения, развивается современная российская социология?

Ответ: Наша социология сегодня находится на перепутье. Претензии марксизма на объективное познание исторических процессов рухнули в связи с распадом СССР. Светлое будущее оказалось, к сожалению, иллюзией. Но это не значит, что представления марксизма были ложными. Ложной была абсолютизация принципов марксизма.

Необходимо серьезное изучение социологии марксизма наряду с освоением других парадигм. В сущности, этот процесс идет активно в последние 5 лет. Есть интересные переводы книг, статей, расширилось непосредственное общение с западными социологами. Возьмите опыт нашего факультета. То, что были у нас Н. Луман и другие известные социологи, подтверждает это.

В результате этого в нашей социологии складывается толерантность, плюрализм идей, которые укладываются в два основных направления социологии: объективистское и культурно-аналитическое (Л. Ионин). Это как раз то, о чем мечтал в свое время М. М. Ковалевский, критикуя однобокость однофакторных теорий (экономический материализм, психологизм и т.д.).

Думаю, что лет через 5—10 мы будем уже иметь сложившиеся направления, школы и знать их лидеров. Этому способствуют несколько факторов: 1) социология стала университетской наукой, т. е. ею занимается молодежь; 2) мы стали открытыми, идет обмен идеями с остальным миром; 3) углубляется институционализация. Сейчас имеем в стране уже около 300 кафедр, 50 факультетов, а также отделения социологии, около 10 журналов, несколько социологических обществ и ассоциаций.

Сейчас уже никто не остановит этот процесс — разве что мы сами, своим бездельем и бесталанностью.

Вопрос: Наконец, ряд вопросов о ваших личных намерениях и целях. Какие исследовательские планы имеются в вашем багаже? Что уже осуществлено, что предстоит сделать?

Ответ: У меня планов много, но для их реализации не хватает времени. Проблемы факультета в это тяжелое время занимают слишком много времени.

О конкретных планах. Мечтаю начать проект «Сибирская идентичность», который вырастет в монографию и серию публикаций. Совместно с П. И. Смирновым продолжаем исследование по менталитету россиян, которое выльется во второе издание книги «Россия и русские»... Работаю над учебным пособием «Институционализация социологии в России: этапы и основные имена».

Будет продолжено издание серии «Российские социологи». Первые два тома уже вышли из печати.

Вопрос: Какие перспективы и трудности, по вашему мнению, ожидают наше общество в ближайшем будущем? Имеете ли смелость прогнозировать будущее России в XXI столетии?

Ответ: Очень сложно прогнозировать. Должна быть программа реформ, которая должна определить приоритеты и новые мотивы, ценности хозяйственной деятельности. Того и другого пока нет. Социологи пока не сказали своего слова, нет разработанных концепций переходного периода, но зато есть громкая критика всего и вся.

Кроме того, надо иметь в виду, что в обществе, где много традиционности и где долго инициатива была под запретом, изменения происходят трудно и для этого необходимо длительное время. Поэтому я не хотел бы предсказывать скорое светлое будущее.

Интервью подготовил и провел В. В. Козловский